

Константин ЦИОЛКОВСКИЙ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ АТОМА

Аннотация

История переселения атома из тела человека в окружающий мир представляет развитие одной из теоретических идей самого автора — монизма, или устройства Вселенной.

Другими произведениями автора являются «Вне Земли», «Воля вселенной», «Живые существа в космосе», «На Луне», «Неизвестные разумные силы», «Биология карликов и великанов» и «Жизнь Вселенной».

Циолковский был одним из первых ученых, предвидевших полеты в открытый космос и верящий в освоение Галактики землянами в ближайшем будущем. Теме космических открытий и столкновений с иными мирами он посвятил множество своих трудов.

Константин Циолковский

Приключения атома

Предисловие

Эта работа написана до 19-го года, служит к уяснению МОНИЗМА и потому полезна.

В ней устройство человечества наиболее простое, именно предполагается в каждом обществе одно и то же число членов и один отбор. В последующих проектах я принимаю высшие общества, как и их советы, более сложными, и потому более многочисленными.

И последний мой проект ещё не может считаться совершенным, а первый — тем более. Но я оставляю свою повесть и её проект неизменными, так как они всё же много уясняют.

Это описание выражает мои взгляды до 19 года. Теперь они сложнее и выше.

Отдано мало описанию советов и их значению.

Ничего абсолютно верного я не знаю. Я только делаю попытку нарисовать законы, притом — попытку раннего времени. Истинные законы дадут выборные, т. е. само общество. И оно то будет только постепенно приближаться к истине: с улучшением общественного строя, развитием знания и с улучшением самого человека. Моя цель не переустроить общество, а только возбудить мысль, чем косвенно можно способствовать и переустройству мира.

Под «Я» подразумевается не совокупность свойств мозга и тела, а только один атом, т. е. примитивное «Я».

Для краткости СССР я называю Россией.

Принято немецкое понятие о классах. Напр., биллион 1012, триллион — 1018 и т. д.

Сажень принимается в 2 метра. Ар называется двором, гектар — десятиной, километр — верстой.

Живое начало Вселенной

Бесконечное время тому назад, в бесконечном пространстве, появилось бесчисленное множество точек. Может быть они были одинаковы, неподвижны и на одном расстоянии друг от друга, а может быть и нет. Но они не были мертвы: каждая точка влияла на все остальные, как бы не были они далеки от нее. Между ними были силы, которые заставляли их двигаться. Чем меньше между ними было расстояние, тем взаимное влияние их было сильнее. Каждая из них ещё обладала способностью чувствовать приятное и неприятное, в зависимости от влияния окружающих её других живых точек. Сила этого ощущения изменялась от нуля до положительной и отрицательной бесконечности, т. е. в зависимости от окружающих условий, ощущение могло быть очень мало и велико, хорошо и дурно, приятно и неприятно в самой разнообразной степени. Так произошло начало мира, который весь состоял из бесчисленного множества живых атомов. Кроме них ничего не было. Была ещё причина их появления — Первопричина. Неизвестно начальное расположение точек, их первоначальное движение и законы притяжения между ними. Проще всего предположить, что точки сначала были неподвижны — от взаимного расположения их и закона притяжения зависело всё развитие космоса и всё, что произошло и произойдёт в нем. Эволюция мира есть результат расположения и притяжения точек или атомов. Возможно, что когда движение точки ускорялось, было ощущение приятное, а когда замедлялось — неприятное. При неизменной скорости ощущение было безразличным. Это было состояние nirваны, т. е. спокойствия. Иногда оно было небытием, а иногда очень энергичным бытием.

Живые точки стали притягиваться, усиливалась их скорость, некоторые соединялись по две и образовали первое сложное вещество.

Прошли дециллионы лет. Материя, состоящая из зачаточных живых атомов, была ещё чересчур проста, и чувства их не могли ещё проявиться.

Прошли ещё дециллионы веков. Точки соединялись по три, четыре, по пяти. Чем сложнее группа, тем более нужно было времени для её образования. Наибольшее число было одиноких атомов, меньше парочек, ещё меньше троек и т. д.

Заметим, что делимость материи беспредельна. Поэтому, сколько бы мы ни шли назад в бездну прошедшего, элементарной материи мы не получим, так что начала мира не было, или оно отделено от нас бесконечностью. Наше представление о начале мира — отвлечённость (абстракция), принятая для пояснения механизма Вселенной. Таково свойство человеческого разума. Для ПЕРВОПРИЧИНЫ же начало Вселенной — есть. Для нас это не может быть понятно.

Образование непонятных друг другу миров и существ

Дециллионы лет повторялись дециллионы раз. Материя достигла большой сложности сравнительно с первоначальным её состоянием. Благодаря тяготению она разделилась на обширные сгущения, подобные туманностям. Каждая туманность, под влиянием притяжения своих частей, сгущалась всё более и более, вращалась всё быстрее и быстрее. Было бесконечное множество таких туманностей: каждая состояла из бесконечного числа атомов, ещё не оживших в обыкновенном смысле слова. Но жизнь у них была, только непонятная нашему человеческому уму. Опять пробежали дециллионы лет. Туманности отделили туманные кольца. Кольца разорвались и получились шары. Так образовались первобытные солнца и планеты. Долго они были в разреженном состоянии, затем засветились **ОСОБЕННЫМ СВЕТОМ** (с невообразимо короткой длиной волны). Меньшие небесные тела охлаждались, застывали с поверхности и получали свет от больших. Меньшие — были планеты. Зарождалась на них жизнь, т. е. группировка атомов настолько усложнилась, что образовались тела, подобные растениям, животным и человеку, — тела, имеющие подобие волн. Они совершенствовались, достигали бессмертия, и может быть живут до сих пор.

Но и туманности, и планеты, и солнца не похожи были на те, которые мы знаем. Они были бесконечно реже. Свет их не был бы виден нам, тогдашняя материя была бы для нас не ощутима, существа также не видимы и не осязаемы. Это был мир далекий от нас и совершенно недоступный нашему пониманию. Но он действительно был и даже оставил живые следы, т. е. часть его осталась и существует теперь, а другая часть преобразилась, и через дециллионы дециллионов лет образовался новый мир столь же непонятный для нас, но также оставивший бессмертных, живущих невидимо среди нас или в отдалённых, но современных мирах, где-нибудь в эфире, на чуждых планетах иных солнечных систем, — лучше сказать, неизвестно где и при каких условиях.

Промчались ещё дециллионы дециллионов веков, появились ещё более плотные миры. Оставляли и они следы, оставляли бессмертных.

Бесконечности веков повторялись за бесконечностями. Возникали вселенные в бесчисленном множестве, бесчисленное число раз. Всё сложнее и сложнее они были. Материя усложнилась до бесконечности, также как и смертные и бессмертные существа. Бесконечные времена, их разделяющие, делают их непонятными, непостижимыми друг другу.

Но нельзя сказать, чтобы это наследие бесконечности, эти бессмертные разных градаций не имели друг на друга влияния, не имели взаимных, более или менее близких связей. По крайней мере ближайшие из них по времени не остаются, может быть, друг к другу равнодушными, безучастными.

Развитие мира совершалось чисто механически, но всё что ни совершалось, всё что ни будет совершаться, всецело зависело от начального расположения живых точек и их свойств. Т. е. всё совершившееся во Вселенной или все, что будет совершаться, вполне зависело от начальной причины, названной нами **ПЕРВОПРИЧИНОЙ**.

Однако сложность материи так бесконечна, бессмертные и смертные существа так удивительны, так великолепны, что всем им казалось, будто они имеют волю и поступают, как хотят. Если же исполняют волю Причины, то по собственному, как будто, желанию (иллюзия).

Наше время, наше состояние Вселенной есть один из этапов времени, одна из его ступенек, каждая из которых продолжалась дециллионы лет.

Наконец, наступило и наше время. Но старые миры, дав начало новым, не исчезли бесследно, оставив не только бессмертных своего периода, но и остатки миров, немного преобразившихся: были миры в мирах, эфиры в эфирах, существа в существах. Были эфиры бесконечно разнообразных плотностей, упругостей и свойств, также как и миры и бессмертные существа. Даже осталось много первичной материи, простой в абсолютном смысле. Это было подобно тому, как теперешние роды животных частью оставались неизменными от начала Земли, частью преобразились, дав начало высшим существам, частью вымерли.

Нашим чувствам более всего доступны только новейшие миры: их живая материя, их лучеиспускание, температура, их молекулы, атомы, электроны, их газы, жидкости и твёрдые тела.

Может быть только два, три ближайших, по времени, мира хоть немного доступны нам, или хоть влияют на нас незаметно.

Картина доступной нашим чувствам Вселенной

Нет конца сияющим солнцам, нет конца остывшим снаружи планетам и их спутникам.

Двойные, тройные и многократные разноцветные солнца всех возрастов тянутся бесконечною чредою. Тянутся без конца и туманные массы, из которых возникнут со временем солнечные системы.

Без конца идут и готовые солнечные системы, соединяясь в Млечный Путь (со звёздными скоплениями). Нет конца и таким млечным путям.

Везде только одни живые атомы: они и в пылающих солнцах и в горячей глубине планет, и в холодных туманностях, и на дне океанов, и в воздушных высотах. Они и в животных, и в растениях, и в камнях, и в огне.

Всё живо, всё сообщается, т. е. материя переносится от мира к миру.

Половина напёрстка воздуха содержит 28 триллионов (10¹⁸) молекул. Но каждая из них состоит из бесчисленного множества частиц, соединённых надолго общею судьбою. Радиоактивные вещества, непрерывно разлагая свои атомы, разделяют эти группы частиц на тысячи более мелких, но также состоящих из бесконечного числа частиц, связанных ещё более прочно, чем в атоме. Меньшая надёжность соединения в молекуле, ещё меньшая в видимых частицах твёрдого тела и в особенности в частицах жидкостей и газов.

Все атомы, из которых состоит небесное тело (таких размеров, как планеты или солнца), соединены также общею судьбою. Им трудно разойтись, уйти с планеты. Этому мешает их взаимное притяжение. Но в виду радиоактивности многих веществ, т. е. способности их разлагать свои атомы на мельчайшие части и выбрасывать эти продукты со скоростью одного порядка со скоростью света, — и эта связь не может считаться надёжной — даже для масс, больших во много раз нашего Солнца. Как ни могущественно его притяжение, но громадная скорость вылетающих частиц преодолевает её также легко, как рука мальчика, перебрасывающего через забор мячик: не надёжно пребывание атомов и на самых громадных небесных телах. Правда, этому вылетанию препятствует окружающая материя, которая тотчас поглощает поразительную скорость их движения и часть атомов остаётся на небесном теле. Надо, чтобы электрон, или подобная частица попала на границы атмосферы, чтобы могла лететь в иные миры, — да и то едва ли беспрепятственно: не задержит ли его эфир или хоть не замедлит ли его распространение! Во всяком случае, для мельчайших частей атома нет препятствий для блуждания по Вселенной. Поэтому сущность атома спит, а иногда оживает, смотря по условиям: то в глубине морей, то в воздухе, то на поверхности океана, то в растениях, то в животных, то мчится с быстротою света на другие планеты и возникает в образе бессмертных, в образе чуждых нам растений и животных. Может быть переходит и в существа иных порядков времени.

Сон атомов и их жизнь. Живое существо есть гостиница атомов

Спят атомы в глубине Солнца, в неорганизованной материи и дециллионы лет проходят для них, как одна секунда. Едва, едва возникают чувства их в растениях, бактериях, инфузориях и низших существах. Ярче светится жизнь атомов, попавших в тела насекомых: как легкие уколы радости и боли проходит их жизнь в этих телах. Чем выше организовано животное, тем богаче ощущение атомов, из которых оно состоит. Но нет сознания своего бытия, своего бессмертия, или своей смертности, слаба память, представление о прошедшем или не существует или очень ограничено, также представление о будущем. Картина мира, представление о Вселенной детски сужено, для нас людей даже мало постижимо.

Тело животного, как громадная гостиница для атомов. Она из них и состоит. Одни входят, другие уходят. Гостиница ещё цела, но бесчисленное множество атомов, побывав в ней, ушли в другие существа, т. е. в другие гостиницы, чтобы испытать иную жизнь. Также и приходят атомы в разное время: не при зарождении только существа, но в течение всей его жизни. Только смерть животного заставляет зараз все атомы разбредиться в разные стороны, в другие существа, в другие гостиницы и тела. В одних — небытие триллионы лет, сходящие за одно мгновение (камень, вода); в других — непостижимо слабое движение жизни (растения, бактерии), в третьих — механизм — почти без чувства, без сознания (насекомые, моллюски), в четвертых — жизнь неразумного животного, жалкая жизнь дикаря, в иных — жизнь, сознающая себя с думами о прошедшем и будущем, с мыслями о Вселенной, о разуме, о Первопричине (сверхчеловек).

Жизнь атомов в одном существе не одинакова, как не одинакова жизнь в дешёвых и дорогих номерах одной гостиницы. Одни атомы живут жизнью спинного мозга, другие — богатою жизнью головного, третьи растительною жизнью мускулов, печени, сердца, костей, крови, её шариков, её бактерий, фагоцитов и т. д.

Жизнь атома в костях подобна жизни молекул в камнях, железе, воде, воздухе: — она проходит незаметно для атома, как одна секунда вместо миллионов лет.

Иллюзия непрерывности жизни: от зарождения до смерти

Атомы, приходящие в сложную часть человеческого мозга, сейчас же проникаются, благодаря тому же мозгу, прошедшим существа, мыслями о его будущем. Они нагружаются всеми атрибутами мышления, и кажется им, что живут они в теле с самого его зарождения.

Невозможно человеку отрешиться от этой иллюзии.

Невозможно отрешиться и от другой иллюзии, — что «Я» будет пребывать в теле, до его распада или смерти. На самом деле атомы непрерывно входят и выходят ещё при жизни тела.

Есть только жизнь

У животных нет совсем представления о смерти. Даже дети, даже взрослые не могут себе представить, как это они могут умереть. С высшей точки зрения умереть и невозможно. Есть только жизнь. Если атом («Я») и находится нередко триллионы лет в усыплении, то оно для атома не существует, и триллионы лет незаметны — проходят для «Я», как миг, как глубокий обморок. Но мы не можем даже представить себе такой глубокий обморок. Существуют для данного атома только проблески жизни, только для них существует субъективное время (т. е. в обыкновенном смысле слова). Субъективно, возможна только одна жизнь: ей одной свойственно время. Итак, хорошо и правильно, что мало разумные существа не думают и не знают о смерти. Не беспокоят, не мучают их мысли о смерти. Их ограниченность — благо. При возникновении в высших существах сознания, разума, мысли, — это благо улетучивается, и дрожит человек перед картиной смерти, которой нет. Высшая мысль, но далеко не совершенная, приходит к её отрицанию.

Итак, «Я» чаще выходит из существа при его жизни, чем при его распадении. А кажется атому, что этого не может быть: что не оставит «Я» тела до его смерти. И такая иллюзия тоже обманчивая игра мозга.

Ни один атом не узнает никогда, когда он приходит в живое тело и когда уходит из него, т. е. когда бывает истинное рождение и смерть: они относятся до тела, а не до атома. С этой точки зрения нет разницы между смертным и бессмертным телом, так как и в том и другом атомы входят и уходят, примерно, через 2–3 месяца (физиологический обмен веществ). Однако можно вообразить себе непроницаемые существа. Обмен материи (как в стеклянном шаре) происходит внутри их. Атомы из них не уходят.

Нет воспоминания о прошедших жизнях в иных существах

Путешествует «Я» из тела в тело, подобно страннику, посещающему разные города, разные гостиницы: бедные и роскошные. Приходя в какое-либо сознающее существо, атом проникается тотчас его идеями, его памятью о прошлом, его историей и представлением о будущей истории того же тела, той же гостиницы, куда попал атом. Совершенно не остаётся места для памяти, или представления о прошлой жизни «Я» в иных телах, в иных гостиницах. А были другие жизни — бесчисленное множество жизней. Но откуда явится представление о них в живом существе, когда оно всё и исключительно проникнуто собственной жизнью, его устройством, его прошедшим, будущим и настоящим, не заходя большею частью за пределы рождения и смерти! Атом примитивен сам по себе, его состояние, особенно одинокое, или среди неорганизованной природы, есть нирвана. Он не имеет также способности, как воск или бумага, принимать отпечатки окружающей её жизни и сохранять их. Память создаётся не атомом, а мозгом и временем, как и самый мозг. Прошла жизнь — и «Я» возвращается в первобытное состояние нирваны. Окружила атом сложная жизнь, жизнь в высоко организованном существе — и он заиграл всеми цветами радуги, всеми иллюзиями жизни и будет играть, пока не уйдет из тела и не погрузится в небытие, чтобы снова поселиться в более или менее богатой гостинице и испытать её радости и горести.

Жизнь тела подобна жизни государства. Всякий образованный гражданин знает его историю, хотя участвовал в ней одно мгновение. Он считает своё государство бессмертным. Но члены государства уходят (умирают) из него, заменяясь вновь приходящими (рождающимися) подобно атомам живого тела.

Жизнь атома в бессмертном теле, или в бессмертном организме

Мы знаем смертные тела. Могут быть и бессмертные. Но только форма их сохраняется (или изменяется постепенно без одновременного распада), элементы же тела притекают и утекают непрерывно — как в смертном, так и в бессмертном теле. Атомы меняют гостиницы иногда чаще в бессмертном теле, чем в смертном, иногда наоборот. Возможно, впрочем, и такое бессмертное тело, где атомы замкнуты, вообще, выход из тела затруднён, почти невозможен. Тогда каждое «Я», входящее в состав этого тела, ведёт жизнь разных частей существа и чуждо жизни иных гостиниц. Не может уже блуждать по всей Вселенной. Оно живёт в таком изолированном смертном теле до его распада, а бессмертном — вечно. Хорошо известное сравнение жизни атомов в обычном живом теле с рекою. (Река скорее даже изображает жизнь атомов в бессмертном теле. Действительно жизнь реки неопределённо длинна). Она сохраняет свою форму, или меняет её постепенно, подобно живому телу, но частицы воды уходят из реки, чтобы уступить место вновь приходящим — от тающих снегов, от дождей. В неподвижной воде закрытого графина частицы остаются вечно, и вот подобие атомов, не могущих уйти из тела и живущих жизнью разных его частей. Разница только та, что жизнь частичек воды, или атомов, из которых она состоит, есть простая неорганическая жизнь и потому проходит в нирване, в кажущемся небытии, в потенции чувства. Триллионы лет для них не существуют, пока они в реке, в состоянии воды.

Триллион триллионов лет может быть «Я» (или атом) не в бытие. Долго, долго он может быть в таком состоянии — в центре солнц, планет, туманностей. Но эти громады веков не существуют для атома и проходят как миг. Не жалейте о таком «Я»: и для него существует только одна жизнь, сколько бы дециллионов лет не пришлось её дожидаться. Ведь эти дециллионы для атома незаметны.

Жизнь одного «Я» в небытие, потом в растениях и животных. Степень вероятия жизни

Есть только один путь для атома: возникновение в совершенной форме

Мы хотим рассказать историю одного атома, его переселения из тела в тело, его жизнь в этих телах, впечатления его от пребывания в растениях, животных и людях.

Число атомов или частей его бесконечно даже в небольшом пространстве мира, так как делимость материи беспредельна. Как же велико оно в бесконечной Вселенной! История одного «Я» (атома) есть история и целой Вселенной — атомов известного периода времени. Избранное нами «Я» сначала составляло частичку Вселенной, потом частицу туманности, Солнца и, наконец — Земли. Пребывание на ней, благодаря её тяжести и связи «Я» с другими подобными, было довольно постоянно, т. е. продолжалось миллионы лет.

Огромные времена прожил атом (или часть его) в туманности млечного пути, потом в туманности солнечной системы, немало и в недрах земного шара.

Но бесконечные времена пролетели, как секунда: «Я» было в состоянии нирваны, в состоянии усыпления. Когда на земном шаре пышно расцвёл растительный мир и мир низших животных, то первое пробуждение его было тогда, когда оно попало в клеточку растения.

Нельзя описать его ощущений, вследствие чрезвычайной их простоты. Это было почти небытие — даже глубокое небытие.

После разрушения клеточки, где пребывал наш атом, ему предстояла новая жизнь.

Пока же «Я», после разрушения клеточки, находилось в неорганическом мире, в атмосфере, в почве. Но растительный и животный мир Земли все развивался и достиг настоящего состояния.

Жизнь атома теперь могла возникнуть не только в растениях, но и в более высоких существах: в зверях, домашних животных и в человеке. Можно рассчитать: чтобы снова возникнуть в растениях, нашему атому надо дожидаться 2 тысячи лет, в низших существах — 400 тысяч лет, в человеке — 2 миллиарда лет. Расчёты эти только приблизительны, но в среднем, для большинства атомов, попавших на поверхность почвы или в атмосферу, они оправдывались.

Жизнь в растениях и подобную же жизнь в низших существах атом уже испытал, и это не может быть нам интересно.

Для жизни в зверях и домашних животных ему предстояло 200 миллионов лет. Но к тому времени животных уже не могло быть, так как тогда, воцарится во всей славе могущественный человек, не оставив месте для низшей жизни из сострадания к ней (и из доводов разума). Остаётся для нашего атома только восторжествовавший, усовершенствованный, преобразившийся, могучий человек. Он так распространится по Земле, так будет густо населено, что время возникновения атома в этом совершенном населении сократится в несколько тысяч раз и окажется не больше миллиона лет. Но и через такой промежуток времени ничего несовершенного на Земле уже не будет.

Момент смерти субъективно сливается с моментом новой жизни. Такова судьба среднего атома: возникнуть в совершенной и блаженной жизни через миллион лет, минуя жизнь несчастных животных и несчастного современного человека. Дождаться только, кажется, придётся немного долго. Для живых это долго, ибо только для них течет время, а для «Я», в небытии, оно проходит, как мертвый сон, как обморок, как миг.

Всякий атом, в среднем, возникает, как будто через мгновение после разрушения тела, в котором он жил. Момент смерти, субъективно, сливается с новой славной жизнью.

Но не погаснет ли Солнце к тому времени и не исчезнет ли жизнь даже совершенного человечества? Не останется ли наш атом не причём? Не судьба ли его пребывание в нирване вечно!

И это не плохо, потому что небытие есть покой, — ничто, который гораздо лучше половины современной человеческой жизни (угасание — старость). (Если нас и привязывает тогда жизнь, то только потому, что представление о смерти ложно-ужасное).

Но, во-первых, Солнце не погаснет, ибо ему предстоит ещё многие миллионы лет пылающего состояния, во вторых, — солнц бесчисленное множество и мудрое существо сумеет ими воспользоваться, в третьих, — совершенное человечество найдёт возможность чрезвычайно сократить миллионный период небытия, в четвертых атом или его части силами природы переселяются на другие планеты Вселенной и там возникают.

Мы говорим о среднем атоме, о вероятных периодах, которые не обязательны для всех «Я», т. е. для

всех атомов.

Избранный нами атом принадлежал именно к тем немногим атомам, для которых средние сроки не оправдались, а исказились самым невероятным образом.

Через очень короткий промежуток времени он попал в тело улитки; но это была та же растительная жизнь. Самая смерть улитки не причинила ей страданий.

После этого, ещё скорее, он по счастливой случайности, попадает в ряд насекомых и живёт их жизнью. Блески Солнца, движения, насыщение, превращения, половая жизнь — проходят чисто механически. Самая смерть показалась дремотой усыпления. Не проходит и нескольких лет, как «Я» оживает в новой гостинице — в мозгу зайчика. Жизнь его шла, как человеческий сон, неразумно, бессвязно. Крохотные радости чередовались с неприятными ощущениями голода, холода и страха. Не дожив до старости, заяц попадает на зубы волку. Это было совсем нехорошо. Страх всё поглотил, даже уничтожил боль.

Опять таки по случайности, атом наш оставался в мозгу до его распада, что вообще не бывает: одни атомы природы испытывают радость молодости, другие горечь старости, а некоторые и муку смерти или новизну зарождения того или другого животного.

Через два дня атом попал в мозг вороны. Опять было что то вроде сна. Трава, тепло, пищеварение, страх, боль, муки смерти: всё это было без взаимной связи, без памяти о прошедшем, без мысли о будущем. Она не испытывала чувства унижения, страха смерти (до рокового удара) и множества других чувств, свойственных только человеку. Но ужасные физические страдания при убое она испытала вполне.

От смертных страданий человека эти мучения отличались отсутствием точки, происходящей у человека вследствие погасания ярких образов сложной человеческой жизни, от погасания высших идей, привязанностей. Вообще они были в десять раз слабее мучений человека. Но они всё же были и могут достаться на долю всякого существа. И это служит для него предостережением: милосердие к животным также необходимо, разумно и выгодно, как и к самому себе.

Жизнь того же «Я» через несколько десятков лет вперед от нашей эры

Центральная Россия. Село. Весна. Приблизительно, наш атом родился, или, точнее, воплотился на этот раз в 2.000 году. Село состояло из сотни хорошеньких домиков и нескольких общественных зданий: для собраний, хранения орудий и провизии, школы и т. д. Улицы были хорошо вымощены, посередине их тянулась аллея из высоких тенистых деревьев. Солнце не затемнялось ими и свободно и весело освещало внутренность домиков.

Расположение домиков в разных деревнях было довольно разнообразно: то в один ряд, то в два, по 50 в каждом, то квадратом по 25, со внутренним двором, то окружностью со внутренним садом и с диаметром в 300 сажен. А то часто, во избежание общего пожара и с гигиеническими целями, отдельно друг от друга, на равных расстояниях, с деревьями в промежутке. Была экономия места. Каждый домик с двором и садом занимал около 100 кв. сажен (4 ара), все — 10.000 (4 десятины). Получался квадрат со стороною только во 100 сажен, занятый этими домиками вместе с садами и промежуточными дорожками. Стройка и расположение их зависело и от климата и от формы местности. Дома были построены большею частью из искусственного камня.

Наш атом был в мальчике. Мать была здорова и выкормила его своею грудью. Домик был удобен и просторен. Не было угару, было тепло зимой и прохладно летом. Было сытно. Мать не оставляла ребенка, отец отправлялся на общественные работы: летом в поле, зимой в мастерские, на фабрику. Обязательная работа не была трудна и не продолжалась более 8 часов. Остальное время отдавалось семье, свободному труду, размышлению, чтению, отдыху, обществу, развлечениям, — кто как хотел.

Дома, орудия, здания, скот — всё было общественным — принадлежало селу. Вещи, утварь, орудия выдавались по мере надобности, величине семейства и его свойствам. За порчу вещей и неосторожное с ними обращение — судились.

Весь скот деревни содержался отдельно от дворов, на особых фермах. Там по очереди за ним ухаживали: кормили, поили, чистили, выгоняли в поле, на луг, доили, стерегли и т. д. Сырые продукты леса и скота перерабатывались также в особых мастерских: на дрова, простую мебель, бревна, доски, посуду, утварь, молоко, масло, сыр, незамысловатую одежду (зимнюю и летнюю), обувь и т. д. В мастерских пользовались силою ветряных мельниц, движением воды, электродвигателями, паровыми машинами и т. д., смотря по обстоятельствам. Всё это было самое простое. Чаще же ограничивались поправкой одежды, обуви, машин и т. д., так как множество предметов потребления производилось на особых фабриках. Скот не убивали, мясо не ели. Животные умирали, как люди, естественною смертью. Куры водились для яиц. Коровы — для молока, овцы — для шерсти, лошади для работы. Не было совсем собак; не было свиней, гусей, уток и других животных, которыми раньше пользовались больше всего ради их мяса. Кожей ещё пользовались, но без убийства. Стремилась обойтись совсем без животных, но ещё не могли. Старых, слабых и бесплодных

животных кормить было очень не выгодно и потому животными пользовались всё менее и менее.

Продукты земли и животных делились между сельчанами по потребностям и по обилию их. Избыток уходил в уездные склады, откуда распределялся по надобности для всего человечества. Кроме того жители отбывали разного рода повинности вне села: например фабричную, военную и т. д. Взамен этого уездные же склады снабжали нашу деревню орудиями, книгами, колониальными товарами и вообще такими предметами, которых она производить не могла: таковы фабричные произведения.

Когда ребенок подрос, стал ходить и лепетать на родном языке, мать стала оставлять его на некоторое время в особом здании, вроде детского сада, вместе с другими деревенскими детьми, под особым надзором женщин, таких же матерей, как и она. Сама же она уходила на общественные работы... Случалось, конечно, дежурить и ей самой в детском саду, где оставлялся и её сын.

Обязательная работа женщин была несколько короче и соответствовала их силам и наклонностям.

Ребенок в детском саду, мылся, ел, спал, играл и учился. Учил — ся не заметно для самого себя — играя. Но искусные педагоги так располагали игры, такие давали игрушки, так окружали детей, чтобы ум их, силы, чувства и нравственность развивались в хорошую сторону. Многие дети работали и напрягали ум, но самостоятельно и охотно, без страха наказания. Приходилось даже умерять их порывы путём убеждения, рассказов, книг.

Родным языком дети говорили в своей семье, а к общечеловеческому (вроде эсперанто) приучались в детском саду. Разговор на нём начинали взрослые, продолжали наиболее восприимчивые дети и кончали все. Не было сначала ни грамматик, ни книг, ни правил, ни уроков: была особая игра, которая понемногу дала знания общего языка. Научились ему также легко, как и отечественному. Надписи на зданиях и учреждениях были также на мировом языке. Чтение и толкование их также способствовало усвоению языка. Чтение началось на родном языке, но в книгах было немного и подстрочного перевода на общий язык, при том же алфавите. Постепенно и невольно это скоро давало знание мирового языка. Употреблялся и другой приём: к родной речи понемногу примешивалась речь на общем языке.

Дети развивали осязание и зрение, ощупывая и разглядывая множество разнообразных предметов, которые получали название на новом языке. Они видели множество картин, изображений, моделей. Часто пользовались волшебным фонарём, кинематографом, граммофоном и иногда всем вместе одновременно. Детский сад был второю школою ребенка. Первою же был домашний очаг.

Влияние его продолжалось и далее. Когда оба родителя возвращались, или хоть одна мать, то и ребенок мог быть дома.

Дитя ходило в поле, в сад, в огород, на скотный двор, в мастерские, в сыроварни и другие сельские заведения. Это была та же наука. Понемногу и по охоте он помогал родителям и старшим, приучался к работе и находил в этом удовольствие и игру.

Играли и так по улицам по всякие игры, кроме, очевидно, бесплодных или вредных. Строгий, хотя не обременительный для детей надзор старших был и на улице и везде. Наиболее способные дети, по собственному желанию и приговору старших направлялись из всех посёлков в уездные училища, оттуда, опять таки очень немногие, в губернские, далее — в окружные, и, наконец, — в верховное, в столицу мира, где жили высочайшие. Примерно, 3—4 % детей из одной школы попадали в следующую. Назначение детей в высшие школы делалось или выборными учителями или населением ячейки.

Наше село было в некоторых отношениях совершенно независимой единицей, маленьким самоуправляющимся обществом.

Миром мужчин в селе управлял выборный мужчинами сельский президент, миром женщин — выборная женщина. Они же и судили. При столкновениях разных полов, при брачных делах и других, где сталкиваются интересы мужчин и женщин, решал вопрос союз из выборного мужчины и женщины. Выбиралось собственно 8 мужчин и 8 женщин. Половина отправлялась на время в уездное общество, а половина оставлялась для управления селом: 4 мужчины правили мужчинами поочередно, в течение суток, по 6 часов каждый. Также и женщины. При смешанных делах решали очередные мужчина и женщина. При разногласии предпочтение отдавалось, судя по уставу, или мужчине или женщине. Но большею частью голос был на стороне мужчины, если обвинялся мужчина и на стороне женщины, если обвинялась женщина.

В иных местах дела решали советы из избранных мужчин и женщин. Общее число их было нечетным, например — три. Тогда решали по большинству голосов.

Через определённый период правившие отправлялись в уездное общество, а на их место прибывали бывшие в уезде.

Случилось в селе так, что один из выборных мужчин делал ошибки: горячился, ругался, выказывал пристрастие. Им были недовольны. Когда недовольство перешло пределы терпения, общественное собрание наполнилось мужчинами, которые решили выбрать иного президента. Председательствовал один из очередных. Одни из сельчан желали выбрать Иванова, другие — Васильева. Были и сторонники Петрова.

— Кто желает Иванова, становитесь вправо, кто не желает его — влево, сказал председатель. Собрание

разделилось на 2 группы желающих и не желающих. Желающих было 60, не желающих 40. Также Васильев получил 80 голосов, а Петров 10. По закону считалось достаточным 75 % благоприятных голосов, и потому был избран Васильев.

Забракованный лишился обузы управления, что его мало огорчало, так как он переутомился и покой заурядного сельского обывателя его уже давно соблазнял. Васильева же заняла новинка управления, он был также доволен и польщён. Кроме того, он получал право половину своего времени проводить в высшем уездном обществе. Он знал об устройстве и жизни этого общества, но жизнью его ещё не жила. И он думал с удовольствием о предстоящих впечатлениях. Забракованный же лишился высшего общества, но он нисколько не терял надежды опять в него попасть при новых выборах, в случае провинности одного из президентов. Были случаи, когда ни один в посёлке не получал 75 % голосов. Тогда назначался временно кто-нибудь из свободных членов следующего высшего посёлка. Более культурные нации давали избыток годных для правления людей. Этих-то выборных и применяли к делу в таких случаях. Были случаи, когда сам выборный отказывался от навязанной ему роли. Тогда выбирали другого.

Мальчик рос и лепетал то на родном языке, то на общечеловеческом. Незаметно он выучился читать и писать. Душа его обогащалась непрерывно множеством впечатлений: зрительных, осязательных, вкусовых, слуховых и т. д., что служило, в связи с языком и чтением умело подобранных книг, богатым материалом для разума и восприятия высших идей. Не было никаких экзаменов, испытаний, обременения: всё мучительное из педагогик было исключено, но было добровольное напряжение и тела и мысли. В школе и жизни он знакомился с устройством человечества, его экономической жизнью, ремеслами, техникой, наукой.

Отрывок из речи учителя об устройстве человечества

...Население земного шара состоит из 1.600 миллионов людей. Оно разделяется на 4 миллиона обществ по 366 человек. Каждое из них составляет первую общественную ячейку называемую селом. Оно управляется почти самостоятельно выборным сельским президентом или советом выборных. Население мало возросло в течение столетия, потому что изнурительные войны в начале века сильно понизили численность населения и его способность размножения. Каждое из маленьких обществ, кроме 4 президентов мужчин и 4 — женщин, выбирает ещё столько же народу для составления высших обществ второго разряда, или уездных.

Так что получается от всего населения почти 35 миллионов членов, оставляющих уездные посёлки, рассеянные по всей Земле. Каждый из них также состоит из 366 членов и число их, поэтому равно 95.520. Уездный посёлок составляет как бы столицу 46 сельских обществ и помещается в центре их. Сельская земля, в среднем, занимает площадь в 33 кв. километров или 3.000 десятин и имеет размеры в длину и ширину около 6 километров.

Село тоже помещается в центре этой земли. Пройти её можно в час, полтора, проехать на велосипеде в 20 минут, достигнуть границ, — в полчаса. Расстояние до средней точки земли от села составляет 1/2 версты. Но это есть средние размеры села в умеренных широтах. В другом климате наделы соответствуют трудности обработки почвы.

Уездная территория занимает 1540 кв. километров, т. е. со средней длиной и шириной в 39 километров и с населением в 16.720 человек. Уездные общества представляют подобие сельских, но их в 46 раз меньше, народ отборнее, законы строже, совершеннее, как и самые члены. Уездные общества также выбирают президентов, как и сельские. И выборные поочередно, — то живут в уезде и правят в нем, то отправляются в общества третьего порядка, как их члены. Таким образом отбирается для губернских посёлков (т. е. 3-го порядка) 764.000 человек. А так как в каждом губернском посёлке тоже 366 членов, то составит 2.088 губернских обществ. Каждое такое губернское общество помещается в центре 46 уездных, его избравших. Все эти уездные общества вместе с сельскими составляют губернию с населением в 764.000 человек. Она имеет площадь в 71 тысячу километров, т. е. представляя её квадратной, она имеет размер в 267 километров. Избранным уездным президентом приходится проезжать периодически до высшего общества 134 километра, тогда как сельским только 20. Это максимум, в среднем же вдвое меньше, т. е. 67 и 10 км.

2.000 губернских посёлков дают начало окружным посёлкам. Отбирается 16.270 членов, составляющих 46 обществ. Эти окружные посёлки также рассеяны по всей Земле и помещаются в центре избравших их 46 губерний. Округ состоит из 46 губерний, имеет площадь в 3 миллиона кв. километров, размером в 1.800 километров и населением в 35 миллионов человек. Губернскому президенту придётся периодически проезжать не больше 900 километров. На хорошем аэроплане это можно сделать в 5 часов.

46 окружных посёлков дают 366 президентов для управления и столько же для образования центрального верховного посёлка. Он в общем управляется также избранными очередными президентами: их 8 мужчин и столько же женщин. Четверо мужчин и четверо женщин управляют, остальные 8 заняты самоуглублением, науками, разработкою высших вопросов, касающихся всего человечества. Потом они становятся на место управителей и обратно.

Тут даются средние числа, сильно уклоняющиеся от действительности.

Мы видим, что в каждом низшем и высшем обществе около 366 членов, в каждом 16 очередных правителей обоего пола. Половина их управляет, а половина живёт в высшем обществе, откуда уходит в своё общество для управления, а управлявшие занимают их место. Каждые 46 обществ составляют уезд, 46 уездов — губернию и т. д. Площадь каждой административной единицы в 46 раз больше следующей, т. е. уезд в 46 раз больше сельской области, губерния в 46 раз больше уезда и т. д. Размеры же линейные каждой территории почти в 7 раз больше последующей. Население этих областей также одно больше другого в 46 раз.

Отсюда видно, что Россия состоит из 5 округов. Пруссия из одного, двух; также Франция, Англия, Испания. Но Индостан даёт 5 округов, Китай тоже.

Однако кто же попадает в верховный совет высочайшего общества (366 избранных)? Это — неизвестно. Каждый округ даёт по 8 человек в переменный состав верховного общества. Значит, Россия бы должна дать 40 человек. Однако в верховное общество и даже на должность верховного президента может попасть член самой немногочисленной нации, например, бельгиец. Он может попасть в сельские президенты, значит и членом в уездное общество. Там его тоже могут выбрать в президенты, и он поэтому попадёт членом в губернское общество. Также далее он попадает в члены окружного общества, хотя Бельгия составляет только часть округа и сочлены его будут, вероятно, не бельгийцы. Но они, тем не менее, за его качества избирают его в президенты, и он получает доступ в верховное общество, где избирается в верховные президенты.

Может случиться, что и другой бельгиец попадёт в высшее общество. Самая малочисленная нация, если имеет к тому задатки, может стать во главе человечества, попав в высочайшее, пятое общество. Это дело свободного выбора: попал туда — значит заслужил. Это справедливо. Пускай каждый надеется. Пускай каждый имеет широкий ход и получает положение по достоинству, свободным выбором. Пограничные сёла, уезды, губернии и округа состоят из разных национальностей и это неизбежно, имея в виду высшую справедливость, пользу человечества и малочисленность многих наций. Кроме того, многие сельские общества не имеют порядочных, способных выборных начальников, и потому получают их от других сельских обществ, иногда иностранных. Таким образом, более культурной нации предоставляется возможность двигаться вперед, если она того достойна. Это совершенно добровольно. Оно и не встречает препятствий, так как существует один мировой язык, одна наука и одна научная вера.

* * *

Мальчик очарован был этой лекцией и решил непременно попасть в верховные президенты. С этих пор он ещё внимательнее следил за собою, тщательно наблюдал жизнь и слушал учителей.

Брак

В камеру к дежурному президенту являются юноша и девушка с заявлением о желании заключить брак. С ними пришли родственники и много любопытных. Удобно расселись. Воздух хорош: просторно и ещё вентиляция. Читается вслух записанное о качествах жениха и невесты, их возрасте, здоровье, родителях, родственниках. В каждом посёлке есть такая книга. Записывается желание брачующихся в ту же книгу с назначением времени.

— Любите ли вы свою невесту? Спрашивает президент.

— Да.

Такой же вопрос задаётся невесте, такой же её ответ. Жених, невеста, президент и присутствующие расписываются в книге.

Но бракосочетания ещё нет. Требуется ещё медицинское свидетельство жениха и невесты. Жених свидетельствуется мужчиной, а девушка женщиной. Оба врача совещаются между собой, а затем заявляют президенту о возможности или невозможности брака. Если решение выборных врачей благоприятное, то через 10 дней желающие из посёлка приглашаются возражать против предполагаемого брака. Обыкновенно возражений не бывает. Разве какой-нибудь завистник или влюблённый соперник что-нибудь выдумает неосновательное. Но его опровергают, стыдят, и брак заносится в книгу за обычным росписом президента, присутствующих и врачей. Если врачи решат, что брак грозит смертью невесте, или что потомство не может быть достаточно здорово, то брачующихся стараются отговорить от совершения брака. Если же это не помогает, то невесту, через операцию, делают временно бесплодной, и тогда брак допускается. Брачующимся объясняют вред такого брака для человечества и убеждают опять искать других супругов.

Убийство

Нашли мертвого старика с раной от удара камнем. Случайно видели ссору его с другим пожилым человеком. Очередная стража привела обвиняемого вместе со свидетелями. Они рассказали, — что знали. Прочли описание жизни убитого и убийцы. Жизнь их не оказалась безукоризненной. Оба судились не раз за ссоры и драки.

Президент обращается к обвиняемому:

— Вы убили?

— Я.

— За что?

— Он меня оскорбил.

— Чем же?

— Назвал сумасшедшим.

— Вы могли обуздать его судом.

— Я не мог вытерпеть...

— Понимаю! Но это дурное свойство. Вы наследовали его от родителей и, пожалуй, невинны; но Вы, после Вашего поступка, становитесь страшны для общества. Я вас ради общественного покоя, должен из общества исключить. Вы отправляетесь к таким же вспыльчивым и нетерпеливым людям, т. е. в колонию вспыльчивых убийц. Если Вы не согласны, то Вас отправят туда насильно.

— Я покоряюсь.

— Больше вам ничего не остаётся.

Дело было кратко записано. Подписались: президент, свидетели преступления, обвиняемый и присутствующие.

Убийца был отправлен в изолированный посёлок к такого же рода преступникам. Там жилось не дурно, было управление, подобное описанному, но члены частенько ссорились. Ссылать оттуда уже было некуда и им приходилось терпеть друг друга и видеть частые драки и даже убийства. Так как жена и дети их за ним обыкновенно не могли следовать, то посёлки вымирали естественной смертью. Если жены и следовали, то всё же посёлки вымирали, так как размножение вспыльчивых убийц искусственно сокращалось или совсем уничтожалось операцией. Дети же оставались обязательно до совершеннолетия в обществах, а затем уже проявляли свою волю. Но жизнь там всё же не могла угаснуть, потому что был непрерывный приток такого рода преступников. Иные посёлки такого же сорта росли, хотя и очень медленно, сравнительно с нормальными, вообще же они сокращались. Так вымирало зло и несовершенство.

Дурное слово

Опять камера президента и с десяток мужчин и женщин.

— Он назвал меня навязчивой мухой, заявляет обиженный. Как он смел!

— Правда? Задаёт вопрос президент, обращаясь к обвиняемому.

— Верно! Но ведь и он назвал меня навозным жуком.

— Вы оба солгали, заметил президент, так как, очевидно, что вы не насекомые. Ложь ведет ко многому дурному. Она есть начало самых ужасных преступлений. Преступление всегда сопровождается ложью. Сознаться, что вы поступили дурно и обещайте больше так не делать. Оба тяжущихся искренно согласились с судьей и дали при свидетелях обещание остерегаться всякой неправды, хотя бы и в шутку.

Всё было кратко записано и собрание разошлось.

Бывало и так, что обвиняемый не сознавался в дурном поступке, несмотря на улику свидетелей. Никакое убеждения судьи не действовали. Незначительный проступок всё таки записывался, и если он повторялся многократно и было много пострадавших, то неисправимый отправлялся в особое уездное заведение для несознающих себя, или лживых. Там находились талантливые люди, исправлявшие словом правды и таких.

Иных преступников приходилось отправлять ещё дальше: в губернию, в окружное поселение и даже в верховное, если позволяли свободные вакансии. Если же этого было нельзя, или не достигали успеха, то выселяли в изолированные колонии, в качестве неисправляющегося лжеца. Лгунов презирали и не заключали с ними браков. Таким образом и эти колонии угасали. Только непрерывный приток лжецов их поддерживал. Но непрерывный огонь безбрачия или бесплодия уничтожал их роды.

Судебная камера

— Я не могу больше с ней жить, заявляет супруг.

— Мы постоянно ссоримся, ругаемся и даже дерёмся.

— Да, это верно, заявляет жена, — только не я в этом виновата. Всегда начинает он. Придерётся к

пустякам и пошла история.

— Правда ли это! Спрашивает президент мужа.

— Трудно в этом разобраться! Может быть и я больше виноват. Одно только несомненно, что ссоры не прекращаются и жизнь становится невоготу.

— С этим и я согласна, почему также хочу развода, сказала жена.

— О жизни мужа и жены опрошены были соседи, которые и подтвердили наличие ссор и постоянного их (соседей) беспокойства по этому поводу. Кто же из супругов был виноват, не могли выяснить: то говорили за мужа, то за жену.

Прочли историю жизни разводящихся, их брака и последующей семейной жизни. Ссоры начались всего только год тому назад. Маленьких детей не было. Президент допустил развод. Подростки были разделены по согласию между мужем и женой. Дело было записано с обычным приложением рук.

Иногда суд кончался примирением супругов, иногда ссорящиеся и желающие развода подвергались наставлению: то в селе, а то и в высших учреждениях. При беременности до рождения ребенка развод разрешался труднее, а новый брак — никогда. Только тогда, когда был выкормлен и поставлен на ноги младенец, можно было заявлять о желании вторичного вступления в брак. Мужчине удобнее было вступать во второй брак, но обыкновенно разведённому трудно было найти жену без хитрости или обмана, которые при общественной, всем видной жизни, были почти невозможны. Женщины преследовали непостоянство презрением и избегали браков с такими. Кто и соблазнялся, так родные отговаривали.

Ещё развод. Обыкновенно ссоры рождаются от охлаждения одного из супругов и любви к новому человеку. Развод и тут разрешался. Но при такой ветренности мужчина не находил невесты, даже равнодушной к нему. Также и женщина не находила жениха. Ветренность или непостоянство, мешающая размножению прекращалась судом, как явление угрожающее обществу.

Супружеская измена

Судебная камера. Жена приходит в слезах. Её муж увлекается молоденькой девушкой, которая выказывает ему сочувствие. Оно дошло до тайных свиданий и беременности. У жены куча детей. Есть грудной. Девушка любит чужого мужа. Тот только развлекается и довольно холоден. Всё это выясняется свидетелями, речами обвиняемых и пострадавших.

Изменившего приговаривают к ссылке, на время в колонию изменивших супружескому долгу. Девушку в другую колонию, изменивших целомудрию, и также на время. При повторении — грозит ссылка более длинная, и даже исключение из общества.

Бывали и другие решения, иногда очень оригинальные. Так, хотя очень редко, разрешалось, если не препятствовала жена, одному мужу иметь две жены, т. е. прежнюю и увлекшуюся девушку. Жили они отдельно, а супруг жил то с одной, то с другой.

Преступление против общественной собственности

Судились за общественное добро: за ломку, порчу машин и орудий — при раздражении или неосторожности. Часто извинялись, а при повторяемости подвергались увеличению числа обязательных часов работы, или вразумлению, смотря по количеству вреда. Украсть было невозможно, потому что не у кого. Продать общественное имущество — также, потому что совсем не было денег. Променять нельзя, потому что у всех было общественное добро в достаточном количестве. Но подменивали испорченную одежду и другие вещи, чтобы избавиться от ответственности за небрежность и полом. Сделанное другим выдавалось за свое, портилось из зависти и т. п. Такие проступки сводились к обвинению за ложь и хитрость и не считались маловажными. Попавшиеся подвергались наставлению, исправлению путём слова, книги и особой жизни с усиленным трудом. Очень немногие, неисправлявшиеся, удалялись в колонии к такого же рода небрежным и лживым людям. Там было им хуже, чем с правдивыми: орудия у них были вечно не исправны, успехи промышленности и земледелия слабы. Они более нуждались и жили вообще беднее исправных посёлков. Жены могли за ними не следовать. Право размножения ограничивалось. Дети оставались, по закону, в нормальных обществах. И эти посёлки не росли так быстро, как нормальные.

Иногда жизнь в этих изолированных колониях, — жизнь не сладкая — исправляла провинившихся, которые ссылались туда на год или другой срок, после чего принимались в родное гнездо, и если не попадались в том же, то оставались в нем. Только убийц и неисправимых не возвращали на родину.

Мальчик наш бывал иногда в камерах суда. Многого не понимал, а многое складывал в своем сердце. Но оценить мог только тогда, когда выслушал учителя о жизни и суде прошедших времен.

Из урока истории

100 лет тому назад большинству людей был почти недоступен суд. Безопасность, неприкосновенность личности и многое другое были очень ненадёжны. Теперь меня обидели — и я делаю два шага и уже в камере суда со своим противником. И меня и его все знают. (Кто уклоняется от суда, того судят заочно). Все знают и наши отношения. Суд моментален и справедлив. Но что было прежде! Надо было тащиться иногда сотни верст до судьи, трудно было вызывать свидетелей, или их не было, надо было подавать письменное прошение. При несоблюдении ничтожных формальностей, прошение не принималось. Надо было ждать чуть не годы, нанимать адвокатов, если хочешь защититься, потому что у твоего противника деньги и даровитые говорюны, у которых одна цель: оправдать обидчика или беззаконника и получить гонорар.

Короче сказать — лучше всего было в то время забыть обиду и терпеть. Лучше не судиться. Не даром была и пословица: с богатым не судись, с сильным не борись, — хотя бы ты и был тысячу раз прав.

Законы, по их обилию, бестолковости и несправедливости невозможно было знать. Даже юристы и адвокаты знали только отделы — по своей специальности. Незнание же законов обывателю не прощалось. Обыватель же не только ничего не понимал, но и был большею частью совершенно безграмотен.

А как был затруднён развод! Даже брак стоил денег и был большею частью безнравственным, так как скорее был экономическим торгом между богатым и бедным, чем союзом любви.

И брак теперь свободен, потому что не опутан материальными условиями быта брачующихся и их родственников.

Теперь мы не заботимся о материальном благосостоянии и воспитании детей, потому что они получают на свою долю всё необходимое, сколько бы их ни было. Только лишь бы мы исполняли свой шестичасовой труд, были правдивы, выбирали беспристрастно лучших людей и соблюдали законы. Тогда было горе с детьми!.. Двое отцов трудились одинаково, но один надрывался для прокормления и воспитания 5-х детей, а другой роскошествовал, так как случайно был бездетен. Даже собственность причиняла громадное огорчение: вечные заботы, которые преждевременно старили людей и часто сводили в могилу... Как сохранить имущество, если во всех сторон были на него покушения: время точило меха и одежду, дом валялся, забор падал, сторожа изменяли, хитрецы обманывали. Как страдали невинные дети! Они подвергались всем ужасам бедности, невежества и жестокости. Они родились уродами, больными, глупыми, преступными.

Дитя, слушая это, ужасалось прошедшей жизни и старалось не только сохранить, но и улучшить своим поведением настоящие порядки.

Врачи и лечение

Легкие больные и не заразные оставались на своей квартире. Не опасные — помещались в сельскую больницу. Был и врач. Это человек очень услужливый, склонный к уходу за больными, получивший маленькие медицинские сведения в сельской или уездной школе, — человек тоже выборный населением.

Сначала, как и все обыватели села, он получил образование в низшей сельской школе, имел гигиенические и общие сведения. Но в силу любви к медицине и доброго нрава, помогал больным и потому был назначен в уездную школу, а потом, по окончании учения, избран врачом.

При более серьёзном заболевании, больной отправлялся в уездную лечебницу. Если там были бессильны против болезни и находили нужным, то заболевшего отправляли в больницу при губернском посёлке и т. д. Обыкновенно выздоровление наступало дома, реже прибегали к сельской больнице, ещё реже — к уездной и т. д. Больного посещали с разрешения врача.

Самые легкие операции делали в селе, более трудные — в уездном посёлке и т. д. Иные операции требовали не только очень искусных, редких врачей, но и очень сложных и хороших приспособлений, доступных только уездной больнице, или даже — губернской и выше.

Смерть

Умершего осматривали все желающие. Президент заведывал книгами, где записывались обстоятельства смерти: болезнь, лечение, годы и т. д.

Фотографии и другие данные о каждой личности имелись в каждом селении. Хоронили, как и теперь, — но среди полей или садов. Могилы находились на значительном друг от друга расстоянии и вдали от домов. Трат на похороны не делали. Могилу рыли назначенные президентом ещё не отбывшие 8 часовую трудовую повинность. Провожали все желающие родственники и свободные от труда. Охотник иногда произносил на могиле речь, примерно, в таком роде:

«Умирая, он в то же время родился, чтобы жить вечно в жизни более совершенной и более прекрасной, чем наша. Пройдут сотни тысяч лет, прежде чем наш друг воплотится. Если бы мы жили эти сотни тысяч лет,

то долгонько нам пришлось бы дожидаться. Мы бы потеряли терпение: выбросили бы самую мысль об ожидании. Но для умершего те же длинные времена пройдут, как сон, как минута. Он в своем небытие их не заметит, и покажется ему, при воскресении, что он только проснулся. Умирал сейчас, но неожиданно, вместо смерти получил радость новой жизни — чудного возникновения, особого рождения. Впрочем, не будут тогда так прозаично родиться, как родимся мы, а скорее как цветы или плоды.

Покойник всех опередил. Для нас ещё не пришло то отдалённое прекрасное время. Мы должны ждать ещё целую жизнь, может быть краткую, а может быть и длинную, но никак не сотни тысяч лет, потому что и для нас время после смерти промелькнёт, как миг. Мы должны благодарить ПЕРВОПРИЧИНУ, что наша несовершенная жизнь так кратка и скоро приводит нас к лучшей.

Всякий умерший, значит и наш покойник, уже её достигнул. Субъективно, т. е. для него самого, он уже там, он уже возник, блажен и пьёт из чудной чаши новой жизни. Для этого воображаемому бессмертному существу нужны чуть не миллионы лет, а для умирающего — мгновение. Вот почему он опередил нас всех, как и мы опередим наших детей или внуков в достижении блаженства. Покойники в разное время возникают к жизни, но время ожидания можно считать только до кажущейся смерти. Субъективно, нашим детям приходится дожидаться больше, чем нам, так как они умирают позднее нас. Абсолютные же времена бесконечно разнообразны, но в счет нейдут»...

Дитя не совсем понимало эти речи, но они его сладко волновали, и не страшила его после них смерть, а казалась каким то праздником, торжеством и завидовал он слегка покойнику. «но и я умру, и я то же получу», думал он, — «и мама и папа и все». Зависть к покойнику гасла.

«Но, дорогие братья», продолжал оратор, «в виду того, что мы на некоторое время связаны с Землей, лучшая жизнь наступит только тогда, когда мы и наши потомки её создадут. Не будем забывать, что мы кузнецы своего счастья. Наша настоящая жизнь подготавливает будущую. Я уверен, что мы не заблудимся, не пойдём по неправому пути, по дороге лжи и насилия, и думаю, даже уверен, что наша судьба, а вместе с тем и судьба покойника обеспечена: и он получит то, чему мы сейчас благожелательно завидуем: его смерть сойдётся с новой лучшей жизнью. Всё это вы уже слышали от наших наставников, когда ещё учились в школах и я вам только напоминаю известное.

Космическая жизнь, которой мы со временем будем участниками, создается также отчасти нами, так как и Земля частица Вселенной. Итак, мы создаём не только лучшую земную жизнь, но и лучшую космическую».

Мальчик же ещё не дошёл до этой премудрости и слышал её в первый раз при таких наглядных условиях. Желание учиться и увериться получше, потвёрже в обещанных после смерти благах загорелось в нём с особенной силой. Но дитя легковёрно: слышанное, ему показалось, и без доказательств, несомненным. Утешенный и счастливый ушёл он с похорон. Да и все разошлись с бодрыми, хотя и серьёзными, даже задумчивыми лицами.

Фабрики и обмен продуктов

Сельские президенты обоого пола старались изучить свою маленькую Землю в 33 кв. километра и её население. Они составляли планы и профили, записывали свойства почвы, метеорологические условия, минеральные богатства в глубине им доступной, исследовали воздух и его движение, воду, её падение, её потоки, ключи, отмечали достигнутую обработку, успехи, недостатки земли, населения, растительности, изучали животный мир, смотрели за успехами и неудачами маленьких несложных сельских работ, отмечали потребности в машинах, производительность работ и т. д.

Эти сведения они получали не только самостоятельно, но и собирали их с помощью всего населения, которое охотно делилось с избранными своими знаниями и наблюдениями.

Так как половину времени 16 президентов обоого пола проводили в уездном посёлке, то они могли доставить материал о своих маленьких областях президентам уездным, которые таким образом собирали сведения о целом уезде, также заносили их на планы и в книги и также, при очередном пребывании в губернском посёлке, делились своими знаниями с губернскими президентами обоого пола. Губернский президент, значит, мог получить представление о своей губернии. Он также заносил это представление в книги. Далее знание распространялось между окружными и доходило до верховных президентов последнего высшего посёлка. Это знание касалось уже всего земного шара. Разумеется, подво — дились только итоги, велась всему статистика.

Высочайший знал обо всех потребностях Земли, о его производительности, о каменноугольных копях, о минеральных богатствах, о водопадах, реках, ветрах и их способности к работе, о климате, лесах, землях, почве и их производительности. Он знал об удобных местах для фабрик, заводов, промыслов, о числе потребных рабочих, мастеров, инженеров, заведующих и людей с такими то и такими знаниями и способностями. По крайней мере, он мог всё это знать благодаря имеющимся записям, планам, картинам, диаграммам, таблицам и т. д. Память могла дать только общее представление о мире. Книги были

дополнением ума президента.

Дело верховного распределить числа соответствующих людей и продуктов между округами, Дело окружных тоже сделать в округах между губерниями, губернских президентов — между уездами, уездных между селами.

Так что в наше село должно было доставить несколько человек для фабрик и заводов.

Был обмен не только продуктов, но и людей с разными качествами, способностями и знаниями.

Наше село производило хлеб, овощи, фрукты, сыр, масло, шерсть. Имело очень несложные приспособления для приготовления простой одежды, обуви, для исправления незначительных повреждений орудий и машин. Избытки были большие, и село их отдавало в уезд. Но оно не могло производить ткани, сахар, произведения жарких стран и множество других вещей и продуктов. Не могло делать орудия, вроде земледельческих, строительных и швейных машин. Не могло печатать книги. Многое оно получало из уезда, взамен чего давало хлеб и другие продукты от своих трудов и доставляло работников на ближайшие фабрики, копи и рудники, где находились минеральные богатства, там происходило их добывание и обработка.

Руды отделялись от примесей, металлы восстанавливались и перерабатывались в изделия. Большею частью это было в холодных странах или в горах, где земля не была богата растительностью. Но находились руды и в жарких странах, удобных для земледелия. Там дешёвая руда только восстанавливалась, обработка же её, превращение в машины и орудия нередко производились в странах холодных, куда и увозили металлы, а иногда и руды для дальнейшей обработки. Там места было много, и холод способствовал или облегчал огненные работы. Драгоценные и редкие руды всегда целиком отвозились в подходящие для обработки места. Оттуда, согласно расписанию верховного президента, они распределялись по округам. Окружные распределяли их по губерниям, губернские отправляли в уездные склады, из уездных поселений, они, по расчету, доставались сёлам. Был обмен продуктов ещё и такой: сельские президенты оставляли, что нужно для своего населения, а избыток шёл в уезд. Уездный склад оставлял, что доставало некоторым сельским обществам, а остальное отправлял в губернский посёлок. Этот рассылал, чего доставало уездам, избыток же отправлялся в окружные склады и т. д. В складе верховных президентов оставалось очень мало, после того, как распределяли полученные товары по округам. При точных расчётах ничего бы и не оставалось. Но с одной стороны — они невозможны, с другой некоторый избыток не мешает для непредвиденных случаев нужды: именно, при понижении общей производительности земного шара, работоспособности населения. Также при каких либо метеорологических или космических катастрофах. Склады оборудованы были чудесно, так что продукты не портились десятки и сотни лет и были совершенно недоступны вредителям.

Функция верховного

Верховные заведовали всем, что касалось всего земного населения. Они давали общий алфавит, общий язык, меры, календарь, общие законы, или минимум обязательный для всех. Их обязанность была заботиться не об одном каком-нибудь округе, а обо всем населении Земли. Но не прямо, не лично, а через посредство окружных, губернских, уездных и сельских президентов. Непосредственное личное управление всей Землей, конечно, немислимо (потому что не по силам человеку).

Как можно обойтись без единого (хотя и очередного и выборного), если вы хотите не бесплодной борьбы, не сокрушительных всеуничтожающих войн, а мира, любви и единения в борьбе с природой, недостатками ума и дурными элементами человечества!

Основные законы человечества (Из урока законоведения)

Дети! Эти законы установлены избранными, самыми высочайшими людьми и представляют тот минимум требований, которому должны подчиняться все люди, даже желающие жить одиноко, по звериному.

Для сельских, уездных и других высших обществ эти законы также обязательны, но там они строже, требовательнее, т. е. содержат дополнения, сообразные высоте обществ. Основные законы относятся:

1) К правам воплотившихся атомов, точнее к нравам живущих людей.

2) К правам атомов, находящихся в неорганической материи или в несознательных существах. Заметим, что нет атомов, никогда не живших. Напротив каждый атом Вселенной жил высшей жизнью. Уже бесчисленное множество раз. Атом в неорганизованной материи или в несознательных существах не имеет силы, но имеет права. Также и человеческий младенец имеет права.

3) К обязанностям людей.

4) К отношению людей, соблюдающих законы, к несоблюдающим их.

1. Примитивные права живых, ненарушающих законы.

Право на целость.

Соблюдающий законы не может подвергаться смерти, мучениям, насилиям, оскорблениям и лжи.

Право на сушу и море.

На каждого жителя Земли приходится около 9 гектаров суши и 23 гектара моря. Из 9 гектаров суши около 4 приходится почти на тропический климат, между 40° северной и 40° южной широты. Каждый соблюдающий законы имеет право на некоторую долю земли, сообразно её качествам. Земля разделяется между людьми на участки приблизительно равной ценности.

Право на личную абсолютную свободу.

Если человек пожелает жить один, то, получив свою часть земли, он делает с ней и с собою, что хочет. Например, может жить одиноко, трудиться, есть и одеваться, как ему нравится. Он может никого не пускать на свою землю и ничему не подчиняться, кроме основного закона. Только уклонение от закона может нарушить его свободу.

Право на брак и развод.

Это есть право сходитья с супругом по соглашению и также расходиться, но без рождения детей.

2. Посмертные права живых, права умерших и права не родившихся — на случай их рождения.

(Не родившихся нет. Подразумеваются давно жившие, или давно родившиеся).

Каждый не воплотившийся ещё атом (но это не значит, что он не жил раньше) имеет право войти в возможно совершенную форму, т. е. форму человека с красивым телом, с крепким здоровьем, сильным умом и общественными наклонностями.

Отсюда вытекают обязанности для живых разумных существ:

3. К обязанностям людей.

Никто не должен трогать человека, если он никого не трогает. В противном случае он насильник и подвергается особому насилию, называемому судом. Защищающийся самостоятельно от насильника также подвергается суду (за самоуправство), но в некоторых случаях судом оправдывается.

Каждый должен способствовать получению каждому его прав на сушу и океан. Никто не должен мешать устраиваться человеку на своей земле, как он хочет.

Никто не должен препятствовать добровольному сожителю или разводу супругов.

Рождение детей возможно только с разрешения общества.

Если по вине родителей (иначе и быть не может) родившееся получило несовершенно человеческое тело, то у него будет право на жизнь, уход, милосердие и тихую естественную кончину.

Люди без общественных инстинктов, пожелавшие жить отдельно, на своей удельной земле, могут быть отцами или матерями, только с разрешения общества, так как их дети могут тоже не получить общественных инстинктов и, живя вне общества, не достигнуть возможного совершенства. Однако, допускаются исключения при талантливости нелюдимого.

Надо препятствовать, по возможности, рождению и размножению животных, как существ несовершенно, не причиняя им однако мук и смерти. Опасных хищных зверей, ядовитых змей дозволяется убивать. Бактерий, насекомых и вредных низших существ можно уничтожать всякими, по возможности, милосердными способами. Жилища, усадьбы, поля, сады, огороды так должны устраиваться, чтобы не оставалось места и условий для размножения животных.

Домашние животные и другие, если возможно, должны погашаться разлучением полов или немучительной операцией.

4. Права соблюдающих законы по отношению к несоблюдающим их.

Человек, не соблюдающий этих основных законов или нарушивший их, лишается свободы и подвергается милосердному суду общества. Если, например, люди ругаются, дерутся и т. д., то окружающие могут привлекать их к суду, хотя бы они и не жаловались друг на друга. Свара есть зло и раздражение для всех. Цель суда: исправить преступника, а если нельзя, то устранить его, без страданий для него, из общества, предоставляя ему возможную жизнь и счастье. Разумеется, он не подвергается смерти и мучению (кроме насильной изолировки ради ограждения общества).

РЕЗЮМЕ ОСНОВНЫХ ЗАКОНОВ

Права: на целость, на землю, на свободу, на брак и развод, на защиту от насильников.

Обязанности: не насиловать, не иметь детей без разрешения, уничтожать по возможности милосердно несознательную животную жизнь.

— О законах для обществ сельских и других — до другого раза, сказал учитель.

Мальчик слушал эти законы и горел сердцем. — Как хорошо, думал он, что основной закон состоит в милосердии ко всему чувствующему. Ведь всё жалко, даже то, что ещё не появилось, но осуждено безрассудством людей на мучения. При том это милосердие касается непосредственно меня в моей настоящей или будущей жизни.

Не может ещё теперь человек достигнуть полной меры милосердия, но будет осуществлять его по мере сил. — Положим, думал мальчик, я рожусь диким, ненавистником людей. Я получаю землю и живу счастливо, хотя и одиноко, живу полуживотной жизнью, со многими лишениями, но имею необходимое для жизни от первобытной почвы, отведённой мне в райском климате. Не виноват я, что родился таким: для общества не гожусь, но за что же меня наказывать: своё тело и нравственные свойства я получил от родителей, а не сам их создал!.. Обязанности мои к людям не велики: никого не трогай и живи спокойно: тебя тоже никто не обидит. Правда, я не могу иметь детей, но жениться могу, если найдётся женщина, согласившаяся на мою жизнь вне общества и бездетность! Тогда она присмотрит за моим телом, если заболею, а может быть найдётся добрая душа присмотреть за нами обоими в трудную минуту немоги или смерти. Если я выкажу при дикости таланты, изобретательность, буду полезен обществу даже в одиночку, то мне разрешат иметь и детей.

Милосердное устранение несознательных животных и рождений дурных людей сделает то, что Я уже не рискую воплотиться в их тела, т. е. быть преступником или переносить рабство, унижение и несознание животных. Положим, я рожусь преступником, жестоким убийцей. Опять общество не убивает меня, не мучает, а только ограждает себя от моего несовершенства. И в изолировке меня устраивают возможно хорошо.

С нетерпением дожидался мальчик следующей лекции. Но учитель на этот раз принёс книгу и читал её. Это был печатный отчет об одном деле в верховном обществе.

Совещание в верховном обществе и дело о шахтенных работах

Учитель читал. Присутствовали в верховном обществе все мужчины и многие женщины. Были и подростки; но не шумели и не мешали чтению.

— Многие из вас, обратился верховный к окружным, — заведуют угольными копями, разработкой руд и другими чисто подземными работами. Я желал бы слышать ваши речи на эту тему. Нельзя ли уменьшить число часов рудокопных работ, облегчить их, улучшить условия или даже совсем избавить от них людей?

— Рабочий остаётся под землей около трех, четырех часов, заметил один из окружных, — отбывают эту повинность только здоровые, приспособленные к тому люди и всего лишь в течение 3-х лет, с годовыми промежутками другой наземной работы. В иных местах иное чередование, но, в общем, на сутки приходится час, полтора подземной работы. (Число рабочих какой-нибудь трудной работы уменьшается до тех пор, пока не привлечёт достаточно для дела работников. Выгоднее, конечно, трудную работу отбывать за раз за несколько дней, напр., за 5 дней, ну хоть пять часов. После этого рабочий свободен 5 дней).

— Условия её не очень дурны, сказал другой окружной. Устранена, по возможности, сырость, излишний жар или холод, везде отличное вентилирование, яркое электрическое освещение. Безопасность почти полная.

— Ну, как же! возразил президент. — Давно ли в десятом округе был взрыв и гибель тысячи рабочих... Были и обвалы с тяжёлыми жертвами.

— Да, это было, ответил десятый окружной.

— Так вот, продолжал верховный, — как противно, как тяжело видеть людей в положении червей, — без солнечного света, в сырых, безобразных норах, угрожающих каждую минуту обвалиться и засыпать тружеников!..

— Для людей сейчас нужны несколько миллиардов тонн одного железа и угля. обойтись без них невозможно, значит, и нельзя избавить людей от их тяжёлой работы, сказал 2-ой окружной.

— Я не говорю уже, продолжал он, о множестве других необходимых рудах, о соли и иных ископаемых. Человечество непрерывно размножается; и строятся новые жилища, несовершенные передельваются в лучшие. строятся дороги, мосты, фабричные сооружения, хозяйственные и промышленные машины, хранилища для продуктов, двигатели, старые приборы заменяются новыми более совершенными. Строятся непрерывные морские и воздушные корабли, — всего не перечислить. Не может человечество оставить землекопные работы, если не хочет замереть в неподвижности. Притом она добровольна: кому не нравится, тот может её заменить другой, хотя и более продолжительной.

— Это так, согласился президент, — но разве нельзя заменить подземных тружеников рабочими механическими, ну хоть автоматическими машинами. Неужели дело рудокопов так сложно, что его не может исполнить машина.